

Мемуары русского зарубежья о мировоззрении И.А. Бунина

Балановский Роман Михайлович

Аспирант Московского педагогического государственного университета, Москва,
Россия

Мемуары русского зарубежья – неоднородное и еще малоизученное явление. Они включают в себя как собственно воспоминания русских писателей, так и различные религиозно-философские, военно-политические тексты. В нашей работе мы остановимся на свидетельствах литературной мемуаристики о мировоззрении И.А. Бунина.

Среди множества свидетельств современников о Бунине интересны воспоминания критиков Г.В. Адамовича, А.В. Бахраха, журналисток Г.Н. Кузнецовой, З.А. Шаховской, мемуары Н.А. Струве. Характеризуя особенности бунинского мировоззрения, эти авторы единодушно признавали свойственный писателю «непреодолимый страх смерти» [Шаховская: 242]. Этот страх обращал на себя внимание собеседников Бунина и как бытовой факт («Говорили о “людях смерти”, к которым И.А. причисляет себя» [Кузнецова: 84]), и как основное настроение, имманентное творчеству Бунина. «Все естество его противилось тлену и исчезновению. С такой же яростью, с которой он ощущал жизнь... предчувствовал и понимал он и тленье. Не было в Бунине мудрости и пресыщенности Соломона, но жила в нем память о конце всего существующего, память Экклезиаста», – вспоминала о Бунине Шаховская [Шаховская: 242]. Струве отмечал, что за литературными успехами Бунина всегда проступало онтологически неразрешимое, «скрывался мучительный ... страх смерти, уничтожения, небытия...» [Струве: 32]. Причины этого страха Струве видел в сильной зависимости Бунина от земной эстетики и всего того, «что душу облекает в плоть»; отсюда и возникали мучения перед «возможным исчезновением плоти» [там же]. По словам Бахраха, «Бунин категорически отрицал возможность загробной жизни, утверждая, что противоречило бы высшей логике, если бы после “минутного” пребывания на этой планете ... предстояли мириады... лет какого-то непонятого... существования, поскольку ничего не было до рождения» [Бахрах: 167]. Кузнецова вспоминала, как некоторые читатели (например, К.М. Лопатина) были огорчены тем, что «в писаниях Бунина столько страха смерти и “мало Бога”» [Кузнецова: 106].

В мемуарах русского зарубежья поднималась также проблема религиозности Бунина. Неявный, скрытый характер бунинской религиозности признавал Адамович: «Бунин, при всей своей внешней, открытой порывистости, был человеком с душевными тайниками, куда никому не было доступа» [Адамович: 232]. С оценкой Адамовича соглашался Струве: «Бунин не раскрывал себя в частных беседах и, скорее, надевал на себя некоторую броню. В этом было и своего рода целомудрие – не выставлять свои внутренние чувства» [Струве: 32]. Адамович в своих суждениях исходил, если использовать определение И.А. Ильина, из «художественного акта» Бунина: «Был ли он религиозен? Если действительно “стиль – это человек”, то, вчитываясь в бунинские писания, в склад и тон их, ответить приходится скорей отрицательно» [Адамович: 232]. Струве писал об особом, эстетическом характере бунинской религиозности: «Религиозность Бунина была сложного порядка, с одной стороны, он чувствовал красоту религиозной жизни – описаний религиозных обрядов у него немало, и это не просто внешнее описание. Он подходил к религиозному откровению через красоту» [Струве: 32].

Оба критика также коснулись отношения Бунина к православию. «Он уважал православную церковь как установление, сроднившееся в течение веков с дорогой ему Россией, он ценил красоту церковных обрядов. Но... истинная, требовательная, вечно встревоженная религиозность была ему чужда», – замечал Адамович [Адамович: 232]. Струве подчеркивал: несмотря на то, что Бунина «пугало небытие... отрицания Бога вы у него не найдете... В нем шло борение между верой в личного Бога и неверием», что «давало метафизическую окраску его произведениям» [Струве: 32].

В мемуарах Кузнецовой интересно освещение полемики Бунина с Г.П. Федотовым и И.И. Фондаминским. Вспоминая расхождения Бунина с Федотовым в трактовке Евангельских событий, Кузнецова писала: «За столом они с И.А. спорили о Христе. И.А. утверждал, что пришествие Христа было подготовлено в мире, было неизбежно; Федотов говорил, что это было подобно впечатлению от неожиданно разорвавшейся бомбы» [Кузнецова: 272]. Однако Бунин, не признававший providенциального рождения Христа-Мессии, не соглашался и с Ренаном, видевшем во Христе только историческую личность (что видно из мемуаров Адамовича, где приведена одна из бесед Бунина о Христе). Разногласия Бунина с Фондаминским в вопросе о русской ментальности, по воспоминаниям Кузнецовой, раскрыли бунинское понимание православия – не как религии радости и любви, а как религии отчаяния и страха: «В русском человеке все еще живет Азия... Все в нас мрачно. Говорят о нашей светлой радостной религии... ничто так не темно, страшно, жестоко, как наша религия. Вспомните эти черные образа, страшные руки, ноги... А стояние по восемь часов, а ночные службы... не говорите мне о... милосердной нашей религии...» [Кузнецова: 105]. Размышления о мировоззрении Бунина встречаются и в других мемуарах его современников, но обзор этих работ составляет предмет более обширного исследования.

Таким образом, изучение мемуаров русской эмиграции позволяет внести дополнительные акценты в проблему религиозно-философских взглядов Бунина, поскольку предполагает обращение к мировоззрению писателя, отраженного непосредственно в его беседах с современниками.

Литература

Адамович Г.В. Бунин. Воспоминания // Бунин И.А. Pro et contra / Сост. Б.В. Аверина и др. СПб., 2000.

Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. М., 2006.

Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995.

Струве Н.А. Классика в неклассическую эпоху // Филологические записки. Вып. 20. Воронеж, 2003.

Шаховская З.А. Бунин (Из книги «Отражения») // Бунин И.А. Pro et contra / Сост. Б.В. Аверина и др. СПб., 2000.